

Реструктуризация глобального управления – ключ к борьбе с мировыми финансово-экономическими кризисами

Мировая экономика изменилась: постиндустриальный период пройден. Началось после-постиндустриальное будущее, так как рыночный, пусть «пост», но все-таки индустриальный потенциал исчерпан и мир переходит к макроманипуляционному квазирыночному этапу. При этом мировая экономика изменилась так сильно, что

в полном объеме характер и масштаб коренных качественных изменений пока не осознан практически никем, кроме узкого круга экспертов и финансистов, отождествляющих себя с США [1]. Очень похоже на то, что эти макростратегические изменения были спроектированы именно ими, а затем реализованы в рамках имеющего место мирового финансово-эко-

номического кризиса, переросшего в системный экономико-социальный кризис [2]. Так стирается граница между виртуальной и объективной реальностью.

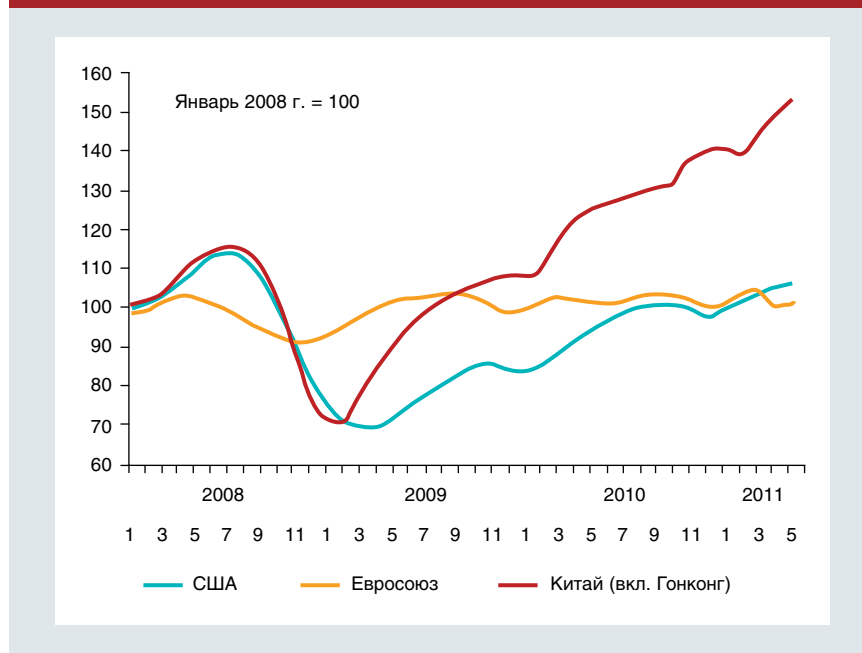
Много лет напрямую и безусловно воспринимаемые и транслируемые на процессы функционирования и развития мировой экономики фундаментальные по-

Агеев Александр Иванович — генеральный директор Института экономических стратегий Отделения общественных наук РАН, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН.

Логинов Евгений Леонидович — вице-президент Национального института энергетической безопасности, доктор экономических наук.

Рисунок 7

Динамика импорта ведущих стран мира [5]

экономика социума → нооэкономика».

В этих условиях одним из важнейших факторов достижения нового экономического качества развития социума является Россия с ее ресурсно-природной базой, интеллектуально-культурно-цивилизационным потенциалом, международным авторитетом, унаследованным от Российской империи и СССР.

В условиях нарастающих глобальных дефицитов социально-экономического равновесия в мире без России обеспечить уже невозможно. Реальная роль нашей страны в поддержании макростабильности и блокировании гиперкризисных угроз и рисков намного больше, чем это озвучивается большинством глобальных геоэкономических игроков.

Именно позиция и потенциал России явились той точкой бифуркации, которая позволила миру удержаться в рамках стабилизационного геоэкономического и геополитического коридора в наиболее острые кризисные перио-

ды когерентных пиковых флуктуаций. Именно опора на разумную стратегическую позицию, предсказуемые текущие и перспективные действия руководителей России дали возможность руководству США, ЕС, Китая четко определиться с синтезом стабилизационных экономических трендов. Мировое сообщество еще осознает все это, как и единство социума в рамках формирования принципиально нового, не сводимого только к прибыли и капитализации, ноогармоничного образа мира.

ПЭС 11126/05.09.2011

Примечания

1. Суперкласс, или глобальное геоэкономическое сообщество наиболее активных членов социума, — новое системно-структурное образование в форме взаимодействия национальных геоэкономических элит (кланов), все больше носящих наднациональный характер в области экономики, политики, технологии, информации, культуры и т.п.

2. Реальное обеспечение доллара США: регулирующая роль США в мировой экономике, роль

доллара как мировой валюты, американские корпоративные бренды, интеллектуальные продукты, информсервисы, военное присутствие или поставки ВВТ, концентрация в США прав на ключевые инновации и т.п.

3. Imprint (запечатлеть, отпечаток) — жесткие отпечатки реальности, высокоустойчивые к последующему перепрограммированию.

Литература

1. Агеев А., Логинов Е. Глобальное управление — ключ к новой мировой финансовой архитектуре: «мы» и «они» в системе глобальных финансовых координат // Экономические стратегии. 2010. № 3.

2. Агеев А., Логинов Е. New Deal — 2008 — «новая сдача». Блудные ученики Франклина Рузвельта // Экономические стратегии. 2009. № 2.

3. Подоляк И., Сараев В. Опыт сценарного программирования процессов глобализации // Экономические стратегии. 2004. № 7.

4. Стиглиц Дж. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. М.: Международные отношения, 2010. 328 с.

5. Аттали Ж. Мировой экономический кризис... А что дальше? — СПб.: Питер, 2009. 176 с.

6. Итоги и тенденции мировой экономики // <http://www.economy.gov.ru>.

7. Логинов Е.Л. Критические потребительские ресурсы как инструмент глобального управления // Финансы и кредит. 2010. № 17.

8. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Пер. с англ. Ф.В. Маевского. М.: Дело, АНХ, 2011. 232 с.

9. Логинов Е.Л., Деркач Н.Л. Проблемы формирования конвергентной сферы глобально взаимосвязанных и синхронизированных интеллектуальных управленческих пространств // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 9.

столпы К. Маркса о прибавочной стоимости (см. бессмертный «Капитал») сейчас перестают работать в той форме, которая была характерна для привычной нам товарно-рыночной экономики на протяжении существования социума даже в его слабоструктурированных формах.

Себестоимость и прибыль перестают быть взаимосвязанными категориями, формирующими цену товара (промышленной продукции, интеллектуальных активов, финансовых продуктов, научных и информационных услуг и т.п.) на рынке, создаваемом структурой спроса и предложения.

Прибыль на верхних этажах рыночной пирамиды теперь формируется макроманипуляциями, которые практически не связаны с себестоимостью и опираются на все увеличивающуюся долю интеллектуальной (информационной, когнитивной, научно-технической и т.п.) и транзакционной (включая управленческий фактор и стоимость финансового обслуживания с участием производных финансовых инструментов) составляющих, которые в совокупности приближаются к 75–85% стоимости современных товарных продуктов. Наблюдается своего рода «конец экономики» (аналогично «концу истории» у Ф. Фукуямы) — экономические факторы формирования цены в товарном обмене становятся малозначимыми, и цена товарных объектов определяется главным образом неэкономическими факторами, то есть цена окончательно отрывается от производственной себестоимости.

В результате политика, реализуемая глобальными геэкономическими игроками, для снижения катастрофичности мировых финансово-экономических кризисов уже не полагается на изживаемые стратегии преодоления традиционных кризисов перепроизводства, к которым все привыкли в XIX и XX вв.

В основе борьбы с экономической энтропией — все более усиливающейся неравновесностью, асимметричностью и нелинейностью социально-экономического развития — теперь лежит когерентная совокупность взаимосвязанных мер по расширяющемуся спектру экономических, околоэкономических и неэкономических факторов, формирующих объективную экономическую реальность [3].

Конструирование реальности, включая конструирование новых мировых кризисов и их последующее преодоление, — вот инст-

Мировая экономика изменилась так сильно, что в полном объеме характер и масштаб коренных качественных изменений пока не осознан практически никем.

румент глобального управления, от которого зависит выживание социума в условиях нарастания явных и латентных (в том числе известных и неизвестных) угроз объективного, субъективного и синергетического характера. Окружающая нас реальность имеет все более вероятностный характер, а управление множасьими ветвями и вариантами (воспринимаемой и трактуемой нами) реальности все более переходит из реально-материальной сферы в электронный (виртуальный) контент в рамках конвергентной общности информационных технологий, сетей, систем, процессов, методов и моделей управления.

Непосредственной предпосылкой, определившей глобальность текущего кризиса в мировой экономике, является макроэкономическое противоречие между пирамидой в 600 трлн долл. (1400 трлн долл.) производных — виртуализированных — финансовых инструментов и так называемой реальной экономикой в 60 трлн долл. [4].

Сложно понимаемая, но ярко воспринимаемая величина этого несоответствия — глобальной асимметричности (рис. 1) — является причиной объяснимой истерики многих экономистов, предсказывающих крах доллара, крах американской экономики и вытекающие отсюда катастрофические экономические, социальные, политические, военные и иные последствия для всего мира [5].

Вне зависимости от причин возникновения такой глобальной асимметричности для стабилизации мировой экономики необхо-

димо балансирование — уравновешивание динамического массива накопленных производных финансовых инструментов хоть как-то сопоставимым массивом квазитоварных объектов (продуктов, услуг, активов и т.п.), способным «связать» ищущие применения виртуализированные финансовые ресурсы, обеспечить их возврат и приемлемую доходность в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры (блокировать дальнейшие массовые банкротства), дать толчок к хоть как-то обоснованному оживлению спроса и предложения как экономической базы достижения социальной стабильности (рис. 2).

Таким образом, необходимо сконструировать соответствующий массив (новый консолидированный стоимостной объем) квазитоварных объектов (создать новые и «надуть» старые активы), организационно упаковать эти меры в новую финансовую архитектуру и институциональные механизмы, обеспечить политическое, информационное и иное необхо-

Рисунок 1

Основные держатели госдолга США, номинированного в казначейских обязательствах, млрд долл. [5]

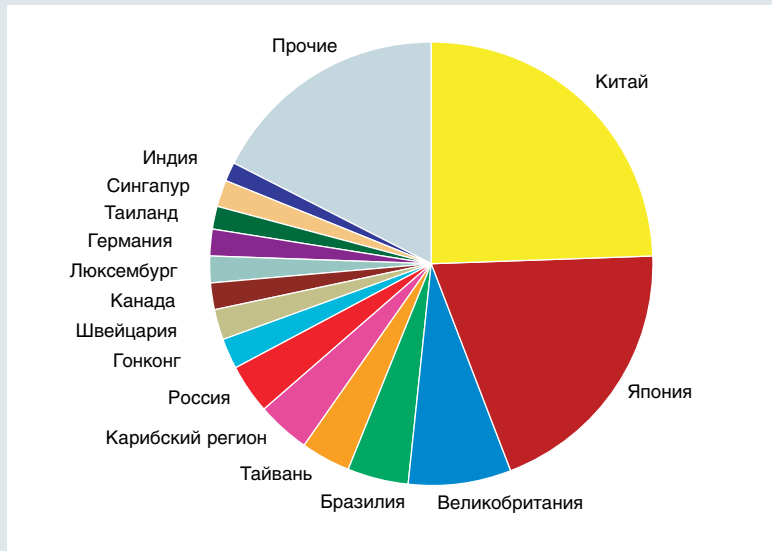
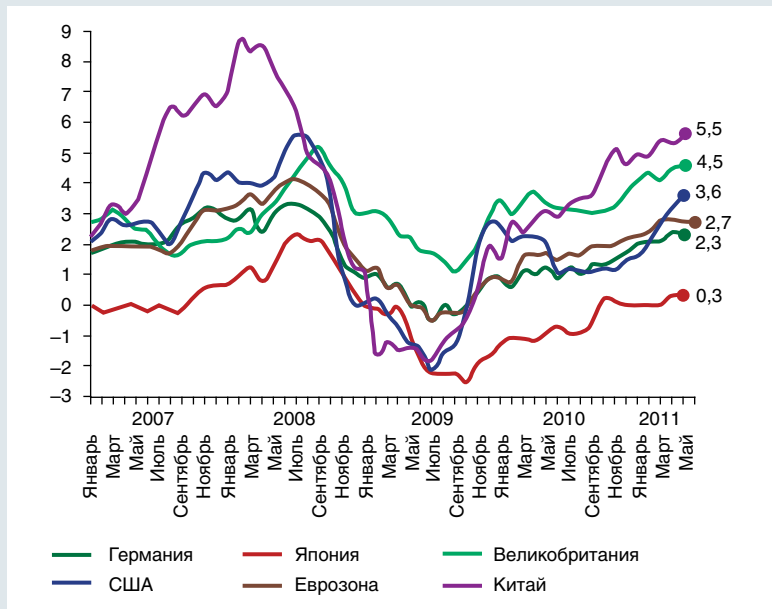

Рисунок 2

Инфляция в ведущих странах мира, в % к соответствующему периоду прошлого года [5]

димое сопровождение, позиционировать в структуре мировой экономики, кризисных циклах и технологических укладах, сформировать новый тип сознания у государственных и корпоративных менеджеров, сетевых сообществ и населения. Фактически требуется сконструировать новое

экономическое качество развития социума.

Для решения этих проблем с учетом экономических, политических, мировоззренческих особенностей глобальных экономических игроков (отдельные страны, международные

организации и экономические союзы, группы ТНК и ТНБ, отдельные сверхкрупные инвесторы, экономико-политические кластеры в рамках суперкласса¹ и т.п.) могут быть использованы следующие группы макростратегических управленческих операций.

Формирование новой глобальной финансовой архитектуры:

- объемное сжатие финансовых активов, «сжигание» части малоликвидных финансовых активов, оздоровление структуры корпоративных балансов, повышение ликвидности финансовых институтов, корпоративная реструктуризация;
- окончательное признание отсутствия реального (традиционного) обеспечения за важнейшими валютами (в первую очередь имеется в виду доллар США²);
- формирование новой — латентной — структуры валютно-финансовой системы мировой экономики со скрытым доминированием доллара в финансовых системах квазисуверенных стран (за счет их вложения в американские гособлигации или массивованных американских займов национальным компаниям);
- замена в ряде случаев прямого долларового доминирования в национальных экономиках ряда стран на латентное доминирование американских ключевых активов (американские корпоративные бренды, интеллектуальные продукты, информационное доминирование в СМИ, военное присутствие или поставки ВВТ (вооружение, военная техника), поставки товаров американских ТНК, произведенных вне США, например в Китае);
- переход к формированию механизмов синхронизации «надувания» глобальных и локальных финансовых «пузырей», скоординированных с реальным сектором экономики (новая система мониторинга экономики на основе конвергентной гиперсети, в том числе и RFID-меток);

- удорожание золота и серебра (в спекулятивных целях, с целью недопущения введения золотого стандарта, в целях объемного удорожания реальных — не виртуализированных — активов);
- явное и скрытое извращение самих США и многих американских банков от значительных объемов золотых активов;
- неопределенность с реальным объемом золотых активов США (в том числе хранящихся в Форт-Ноксе);
- обеспечение перманентной неустойчивости псевдосуверенных национальных валют (потребность в увеличении золотовалютных резервов);
- формирование кризисов финансовой ликвидности (потребность в увеличении высоколик-

видных финансовых резервов у ТНК и ТНБ, в том числе средств на счетах);

- «зачистка» ТНБ и фондовых бирж, изменение организационной структуры международных финансовых центров, перекомпозиция финансовых потоков;
- ослабление альтернативных экономических союзов (ЕС и др.);
- инкорпорирование в западную финансовую систему мусульманских финансовых институтов и ресурсов;
- использование в легитимной финансово-инвестиционной деятельности финансового рычага (плеча) некорректных активов (наркотики и доходы от них, незаконная торговля оружием и доходы от нее, драгоценные металлы с неподтвержден-

ной подлинностью и происхождением, «мусорные» облигации и «токсичные» финансовые активы, конфискованные или блокированные деньги бывших диктаторов и политических организаций, криминальных структур или криминализованных компаний);

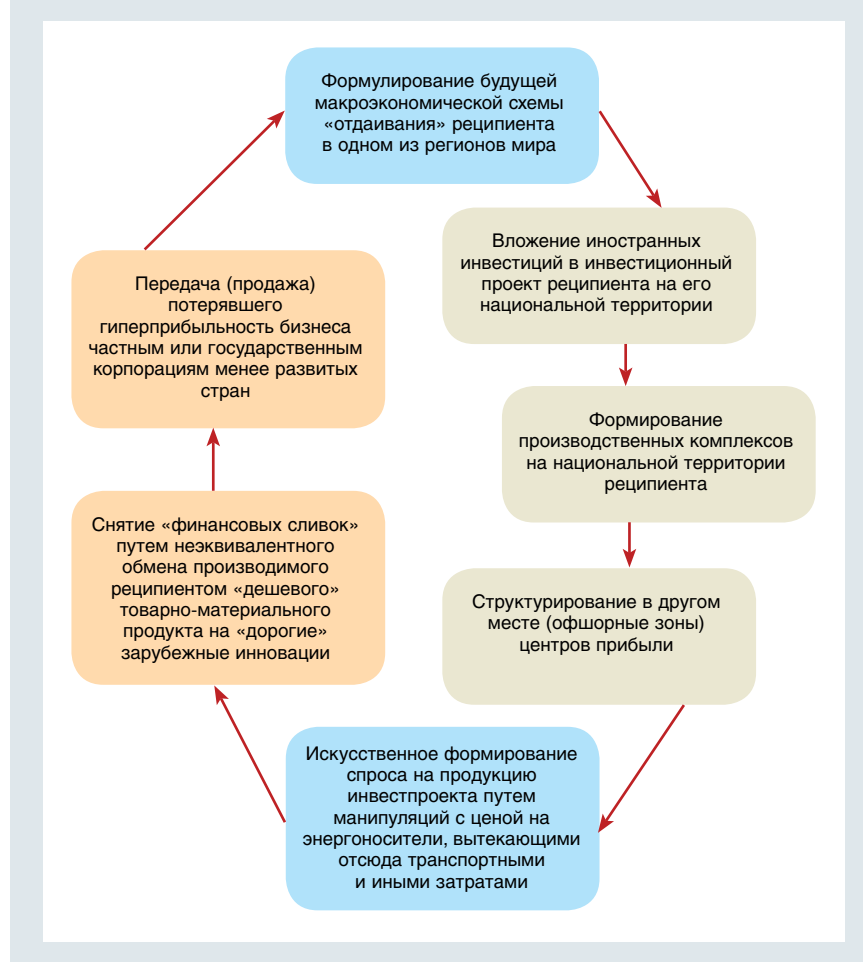
- установление контроля над офшорными финансовыми активами.

Формирование новой структуры глобальных макрорынков:

- макроэкономические циклы; финансовые и товарные потоки теперь формируются не рынком (понимаемым как универсальный механизм самоорганизации экономических процессов), а за счет макростратегических манипуляций (рис. 3). Иначе говоря, мировые рынки складываются не сами, а целенаправленно формируются в рамках следующего управленческого цикла: формулирование будущей макроэкономической схемы «отдаивания» реципиента → вложение иностранных инвестиций → формирование производственных комплексов → структурирование в другом месте центров прибыли → искусственное формирование спроса на продукцию путем манипуляций с ценой на энергоносители, вытекающими отсюда транспортными и иными затратами → снятие «финансовых сливок» путем неэквивалентного обмена производимого реципиентом «дешевого» товарно-материального продукта на «дорогие» зарубежные инновации → передача потерявшего гиперприбыльность бизнеса частным или государственным корпорациям менее развитых стран;
- формирование новой глубины товарных рынков за счет выпуска новой потребительской продукции, не имевшей аналогов в прошлом;
- стратегическое формирование международных рынков и манипулирование рыночными процессами для усиления степени неэквивалентности обмена до-

Рисунок 3

Схема макростратегических манипуляций в процессе управления инвестиционными циклами в рамках искусственно сконструированных условно-рыночных схем в мировой экономике

рогих инноваций на дешевые ресурсы;

- монополизация управления важнейшими ресурсами (природными, сырьевыми, энергетическими, продовольственными ресурсами, редкоземельными металлами, наиболее наукоемкими и прибыльными технологиями и т.п.);
- инициирование масштабных дорогостоящих инфраструктурных проектов в новых индустриальных странах и менее развитых странах с последующим исчерпанием национальных инвестиционных ресурсов и «подсаживанием на иглу» внешних инвестиционных ресурсов и международных финансово-инвестиционных механизмов;

Сейчас закладываются основы нового механизма глобального управления на ближайшие 35–40 лет.

- закрепление территориально-отраслевой (страновой) индустриальной специализации (зональная концентрация технологической направленности производств, их антиэкологичности, энерго-, водо-, ресурсозатратности, форм сверхэксплуатации национальных трудовых ресурсов) с минимальной нормой прибыли.

Удорожание квазитоварных объектов:

- удорожание энергетической составляющей квазитоварных объектов, в том числе:
 - удорожание энергетических ресурсов (газа, нефти, угля, электроэнергии — традиционной, ядерной, ВИЭ и др.);
 - отказ или блокирование развития атомной энергетики после аварии на АЭС Фукусима;
 - переход к ВИЭ, альтернативной и малой энергетике, «зеленым» видам топливно-энергетических ресурсов, внедрение smart grid;
- удорожание транспортной составляющей товарных объектов (удорожание топлива, необходимость усиления охраны и сопро-

вождения из-за пиратских захватов на море, удорожание страховки и др.);

- удорожание критических потребительских ресурсов (продовольствия, воды, лекарств и др.), в том числе из-за манипуляций семенами, удобрениями, генно-модифицированными растениями и животными, торговыми потоками и условиями инвестирования, изменения ранее вписанных в природно-климатические условия схем эксплуатации сельхозугодий и сельхозтехнологий и т.п.) [7];
- плата за углеродные выбросы, ложащаяся преимущественно на плечи государств, куда развитые страны перемещают сырье, энерго- и экологозатратные ин-

дустриальные производства (из Северной Америки и Западной Европы);

- увеличение затрат на компьютеризацию, электронную автоматизацию, интеллектуализацию технологических и управленческих процессов (с ужесточением контроля за правами собственности на программные продукты, за «белым» происхождением комплектующих и т.п.);
- запуск нового научно-технического цикла техпереворужения промышленности — на основе нанотехнологий и т.п. [8].

Увеличение затрат на ВВТ, спецтехнику, силы и средства специальных и чрезвычайных операций:

- эскалация военной и террористической напряженности, рост наиболее опасных форм преступности — международной, организованной, национальной и т.п., угрозы массовых беспорядков, внезапных массовых антиправительственных политических выступлений (Египет и др.);
- формирование механизмов создания и управления активными и пассивными природными ка-

таклизмами (ураганы, цунами, наводнения, ливни, землетрясения, аномальная жара или холод, магнитные бури и т.п.);

- пандемии, новые варианты традиционных болезней, пиковое распространение смертоносных инфекций и т.п.

Формирование пула ключевых инноваций мультиплицирующей стоимость квазитоварных объектов и усиливающих возможности США в сфере национального и глобального управления:

- формирование конвергентной гиперсети и глобальных систем мониторинга (экономического, природного, военного, социального и др.);
- стимулирование инновационной активности во всех странах, где это возможно;
- концентрация в США особо важных технологий нового поколения, в том числе инновационных технологических решений, основанных на новых технических (и физических) принципах;
- формирование в США качественно новой структуры использования в технике научных открытий самого последнего периода в отношении управления физическими процессами;
- формирование контуров новой структуры управления здоровьем человека;
- латентный отрыв США от других стран по космическим технологиям, в том числе информационным, военным, военно-энергетическим, коммуникационным, ГИС, глобального мониторинга, исследований Земли и космоса и т.п.

Формирование нового типа сознания:

- формирование нового онтологического базиса развития социума в рамках ультрагуманистических и фундаменталистски-экологических приоритетов, скомпонованных западными СМИ и псевдообщественными движениями;
- конструирование (в первую очередь в электронных СМИ) обра-

зов предметных ситуаций и определенных этими ситуациями векторов социоразвития как основного элемента социальной реальности;

- зачистка СМИ (корпоративная реструктуризация медиаимперий, усиление контроля за интернет-проектами, формирование новых информационных модулей (Викиликс, Википедия и т.п.) и информационно-социальных сетей гражданского общества (Твиттер и т.п.), усиление неформальных информсообществ (блоггеры и т.п.);

- переформатирование доставшихся от доиндустриальной и индустриальной экономик смысловых матриц, которые формируют мотивацию и направляют поведение участников предметной деятельности в экономике;

- экономико-цивилизационная импринтация³ — изменение экономической и социальной действительности на основе восприятия людьми традиций и норм поведения после-постиндустриальной культуры с целью усиления способности членов социума к сотрудничеству на основе достижения ноо-обусловленной комплиментарности в рамках западных социоформатов;

- стимулирование социокультурной самоидентификации глобального геоэкономического сообщества наиболее активных (богатых, авторитетных, влиятельных) членов социума (суперкласса), их интеграции и консолидации в рамках цивилизационных императивов западного сообщества и онтологически обусловленных целей деятельности, структурированных элитными политическими клубами;

- стимулирование расширения добровольно-принудительной корпоративной благотворительности в рамках парадигмы «креативного капитализма»;

- стирание границы между реальными и электронно-виртуальными процессами.

Новые подходы к глобальному, национальному и корпоративному управлению:

- формирование многопрофильной гиперсетевой инструментально-технологической платформы управления различными видами предметной деятельности (в том числе в оболочке облачных вычислений; рис. 4);

- достижение ситуационной осведомленности за счет формирования единого простран-

ственно-временного образа, позволяющего анализировать динамику процессов различной природы одновременно и во времени, и в пространстве реальных и искусственных измерений;

- переход от объективной реальности как многомерному вероятностному (природно-техно-социальному) пространству с большим количеством измерений, позволяющих контролировать новые социально импринтированные квазиреальности;

- интеллектуальная трансформация управленческих механизмов для достижения ими виртуально-когнитивной интероперабельности на основе использования виртуальных интеллектуальных управленческих сред конвергентного характера.

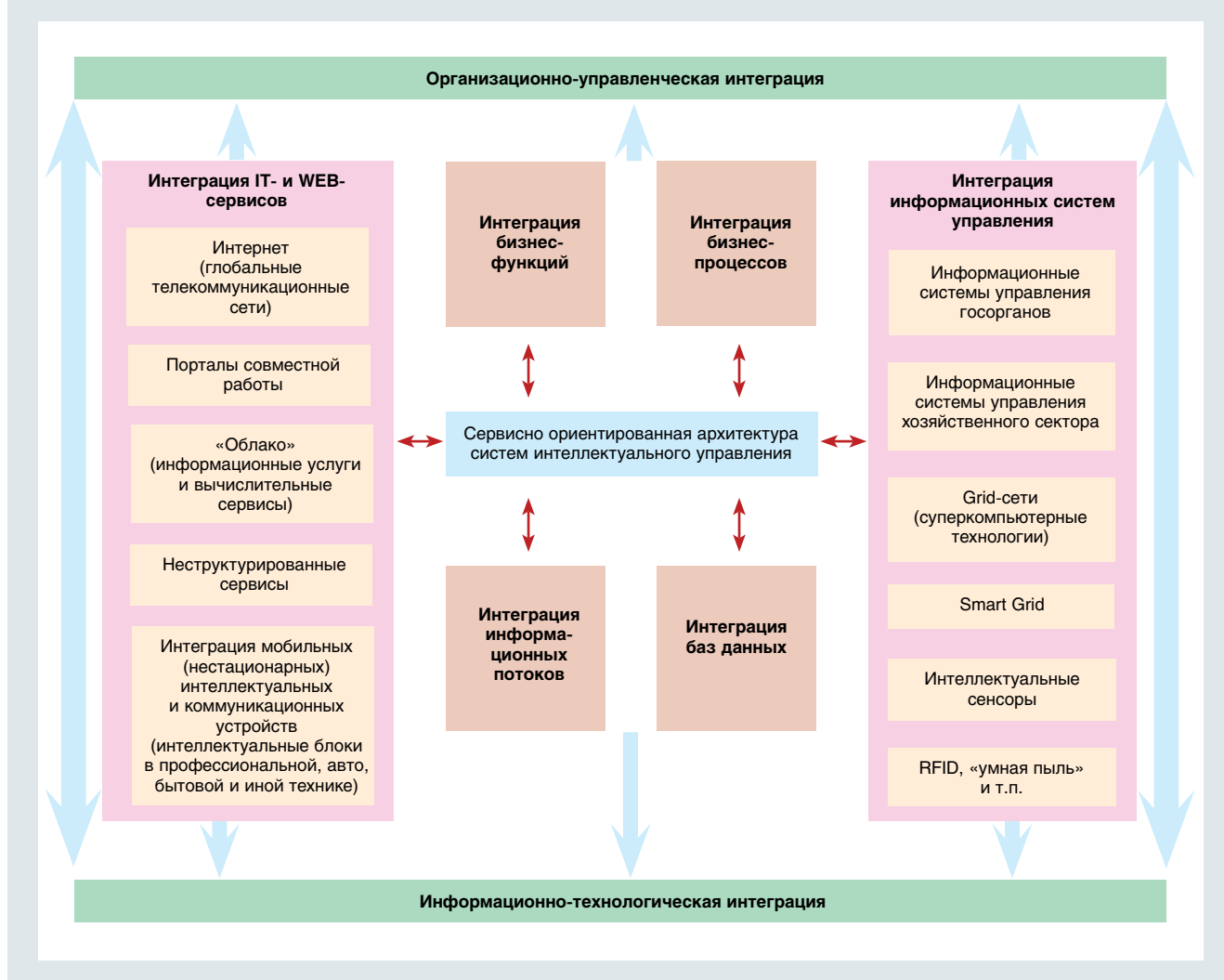
Одним из важнейших трендов здесь является создание конвергентной гиперсети, которая формируется путем конвергенции информационно-управляющих сетей, интеллектуальных сенсоров, датчиков и т.п. (Internet of Things — Интернет вещей, Smart Grid — «умные» (электрические) сети, Cisco Planetary Skin — система планетарного мониторинга: буквально «кожа планеты», Central Nervous System for the Earth: буквально «центральная нервная система Земли», Smartdust — «умная пыль» и т.п.) с целью интеграции информации о различных по назначению, расположению и собственникам объектов — людей, машин, технических систем, природных объектов — в сетевом информационном пространстве с распределенным виртуализированным центром в США (рис. 5).

На основе конвергентной гиперсети можно создать комплексные системы раннего предупреждения различных кризисов — через разработку всеобъемлющего, комплексного, автоматизированного мониторинга, оценку и прогноз национальных, субнациональных и международных кри-

Рисунок 4

Общая схема формирования гиперсетевой инструментально-технологической платформы управления

зисов для упреждающего принятия решений в различных сферах деятельности [9].

Прообразом таких систем являются разработки ICEWS для американских вооруженных сил, ведущиеся Агентством по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США (DARPA).

Качественно новым процессом является целенаправленный перенос из США в ЮВА (Сингапур и Китай) ряда центров инвестиционных и валютных операций некоторых наиболее значимых финансовых корпораций

и транснациональных банков американского происхождения, принадлежащих отдельным экономико-политическим кластерам американского сегмента суперкласса, то есть создание там своего рода параллельного имеющимся (американским) финансового центра.

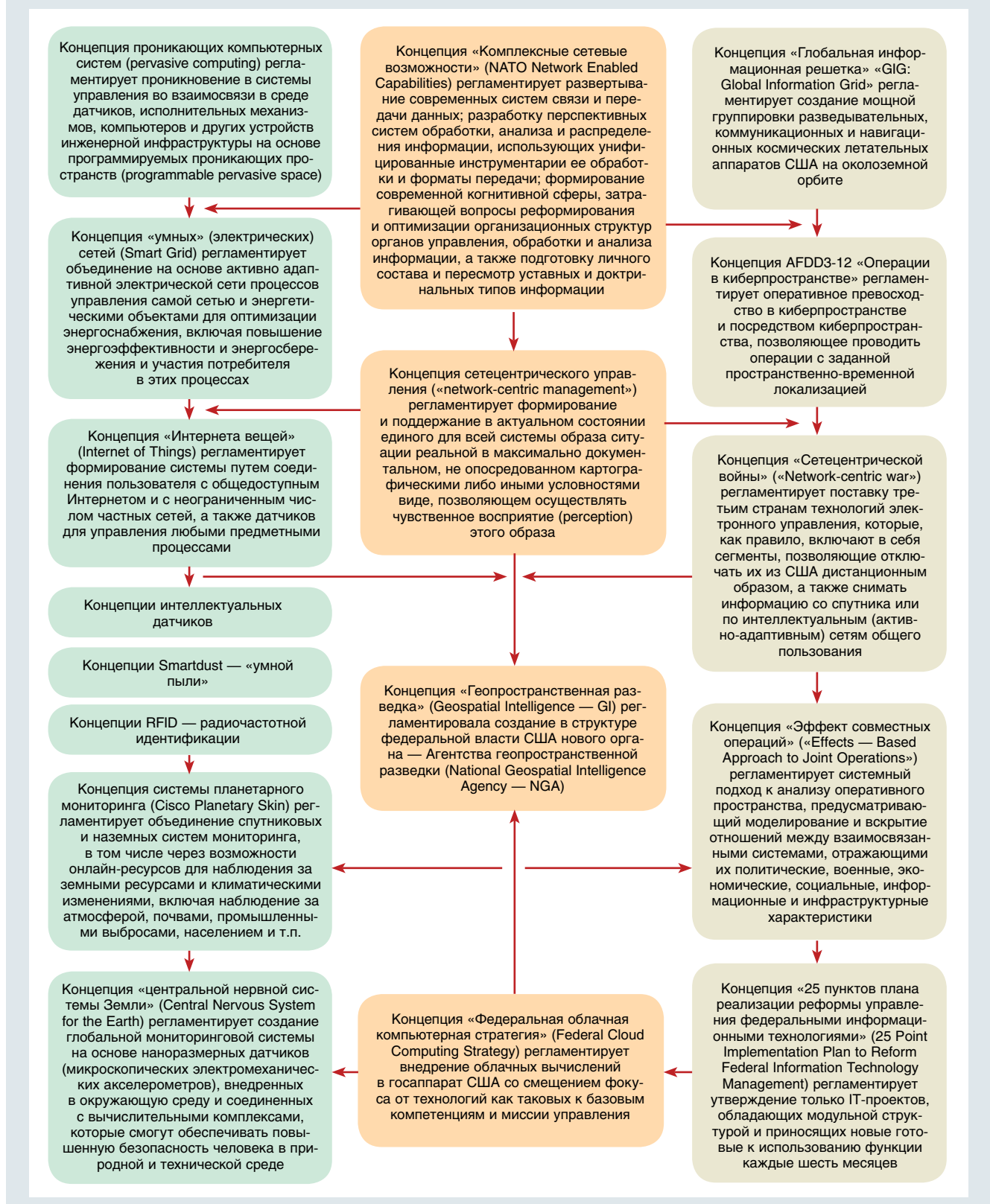
Такая перегруппировка подчеркивает отсутствие альтернативной (США) целенаправленной финансовой политики китайского руководства. Попытки Китая отстаивать собственные интересы направлены на сохранение хотя бы частичных основ национального финансового благополучия

в условиях неоднозначных глобальных финансовых макромаанипуляций.

Китай не может себе позволить финансового коллапса, так как слишком велики риски внезапного неконтролируемого катастрофического нарастания национального хаоса вследствие накопления «критической массы» макроструктурных диспропорций: излишек населения, природная среда, надорвавшееся сельское хозяйство, отсутствие реальных механизмов соцобеспечения и соцзащиты, крайняя неразвитость медицинской защиты населения, территориаль-

Рисунок 5

Тенденции достижения США геозкономического доминирования в мировой экономике на основе использования информационно-электронных факторов модернизации государственного и корпоративного управления

ные, отраслевые, корпоративные и структурные мегадиспропорции экономического развития, жесткая зависимость от импорта энерго-сырьевых ресурсов и экспорта готовой продукции и т.п.

Зато рокировка части финансового истеблишмента США в Сингапур и Китай позволяет расширить возможности макрофинансовых манипуляций за счет использования китайского национального финансового потенциала, более эффективно осуществлять инвестиции в ЮВА с учетом ненадежности заемщиков и реципиентов в условиях кризиса, сохранить значительную часть полученной за счет глобального кризиса долларовой гиперприбыли путем помещения ее в сверхнадежный (и даже ревальвирующийся) юань, сменить партию-политического руководства США на очередных выборах, более эффективно управлять продажей в Китай дорогих американских инноваций в обмен на дешевые китайские товары и т.п. (рис. 6).

Таким образом, можно сделать вывод, что механизм макроэкономической квазистабильности найден, хотя его основные черты еще не до конца понятны мировому экономическому сообществу. Сейчас закладываются основы нового механизма глобального управления на ближайшие 35–40 лет. Главной причиной продолжения глобальных кризисных тенденций в мировой экономике является отсутствие политического консенсуса между экономико-политическими кластерами в рамках американского сегмента суперкласса. В связи с этим основной претензией к США со стороны мирового экономического сообщества следует назвать не глобальное доминирование этой страны (и вытекающее отсюда печатание «воздушных» долларов, навязывание своих экономических и политических стандартов, перекалывание инфляции на плечи других стран и т.п.), а устранение в кризисный период от активного глобального регулирования вплоть до решения

«внутрисемейных» американских проблем.

Внутриамериканская «ссора» слишком дорого обходится миру. Без механизмов глобального регулирования — а его стержнем по многим объективным и субъективным причинам (нравится это миру или нет) являются системные макростратегические институты США — мир ждет лавинообразное нарастание экономической энтропии, появление качественно новых, переструктурирование и обострение старых системных рисков и угроз, приобретающих синергетический характер, — переход в стадию когерентного хаоса. Мир стал слишком мал, и — в отсутствие Советского Союза — ответственность за формирование благоприятных условий развития социума лежит преимущественно на США (рис. 7). Позднее появятся уже макросоциальные рычаги регулирования и саморегулирования в рамках императивов транзитного процесса «мировая экономика →

Рисунок 6

Динамика восстановления промышленности стран мира, июнь 2005 г. = 100% [5]

